

ВЕРСТАЯ ВЁРСТЫ

Кандидат филологических наук Дарья ЗАРУБИНА.

— Сколько отсюда до Киева? — спросил Субудай. Он вынул из торбы вместе с бобами горсть золотых монет, подбросил их на лагони и положил около себя.

У Плоскини глаза разгорелись, и он облизал языком сухие губы.

— А на что тебе Киев? От Киева русские не пойдут. Ведь до Киева отсюда галеко, вёрст шестьсот...

— Что такое «вёрст»? — рассердился Субудай. — Не понимаю «вёрст»!.. Ты скажи мне, сколько до Киева конских переходов.

— Если отсюда на Киев поедешь на одном коне, то будешь прямиком ехать дней двенадцать. А о-двуконь — проскачешь шесть дней.

— Вот теперь ты мне стал говорить толком.

Этот диалог из книги Василия Яна «Чингисхан» заставил меня задуматься о восприятии расстояния представителями разных народов. «Не понимаю „вёрст“!..» — восклицает Субудай-богатур и требует, чтобы бродник Плоскиня мерил расстояние до Киева более понятными для кочевника-монгола единицами — конскими переходами. Слово «верста» ему не только не знакомо, но и, если вдуматься, чуждо по сути. Ведь слово это по своему происхождению связано с земледелием.

В Этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера¹ указывается, что слово «верста» связано с «вертеть» и первоначально обозначало «оборот плуга»: «Ср. лит. *vaĩstas*, *varsna* „верста, расстояние, пропахиваемое за один раз в одну сторону“, прич. *viĩstas*, оск.-умбр. *vorsus* „мера пашни“, буквально „оборот“, лат. *vorsus* (*versus*), др.-инд. *vṛttás* „круглый, закрученный“». То есть верста тоже связана с расстоянием, пройденным лошадью, только не той, что под седлом, а той, что впряжена в плуг.

Получается, что, если перевести «с осёдланного на оседлый» (позволю себе небольшой каламбур), на одной лошади 50 вёрст в сутки, на двух — 100 вёрст.

И тотчас всплывают в памяти строчки из комедии Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума»: «И между тем, не вспомнюсь, без души, / Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, / Вёрст больше седьмисот пронёсся, — ветер, буря; / И растерялся весь, и падал сколько раз / — И вот за подвиги награда!»

Семьсот вёрст меньше чем за двое суток. Даже если допустить, что Чацкий действительно нёсся, «глаз мигом не прищуря», получается слишком большая разница. Лошади за время, отделяющее Грибоедова, Яна и их героев, изменились не настолько разительно, чтобы можно было объяснить такую разницу в скорости. Тогда, быть может, дело в единицах измерения. В самих вёрстах.

И я невольно задумалась, а понимаю ли я «вёрст»? Слово привычное, знакомое, но если вдуматься, можем ли мы точно сказать, сколько это — верста и что мерили вёрстами. Если мера длины, как в тексте Яна и Грибоедова, то откуда у Александра Сергеевича Пушкина в стихотворении «Зимняя дорога» «вёрсты полосаты попадаютс одне»? А коломенской верстой вообще называют очень высокого человека. Может, его для этого лёжа меряют?

Впрочем, шутки шутками, а разобраться, что к чему, не так просто. И, пожалуй, яснее всего с полосатыми вёрстами. Имеются в виду верстовые столбы, которые ставили вдоль основных дорог, чтобы даже в непогоду едущие или идущие не сбились с пути, ведь контрастные полосы было хорошо видно даже сквозь метель или проливной дождь. Фразеологизм «коломенская верста» имеет отношение именно к верстовым столбам: четырёх-

¹ Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс. М. Р. Фасмер. 1964—1973.

Источник: www.museumpushkin.ru

М. Н. Воробьёв. Почтовый тракт зимой. 1830-е годы, Россия. Бумага, акварель.

метровым каменным великанам, облицованным мрамором и украшенным гербами, которые в 1667 году были установлены вдоль дороги, связывающей Москву и царскую резиденцию в Коломенском. Видимо, такая монументальность на фоне привычного русского пейзажа вызвала смешанные чувства, и «коломенской верстой» называют не только высокого, долговязого, но и при этом ещё нелепого человека.

Однако при упоминании вёрст в идиомах речь идёт в основном не о столбах, а о единице измерения расстояния.

Во фразеологизмах чаще всего встречается семь вёрст. «Семь вёрст до небес, и всё лесом» — многословная, путаная речь. «За семь вёрст киселя хлебать» — ехать в дальнюю дорогу без особой надобности и смысла. «Бешеной собаке семь вёрст не крюк» — когда собственная глупость и недалёковидность заставляют человека тратить лишние усилия на нестоящее дело, а «для друга семь вёрст не околица» — когда настоящий друг приходит на помощь, несмотря на любые преграды и расстояния. Во всех этих случаях «семь

вёрст» употребляется в значении «далеко» или «долго». Семь вообще частый «множитель» в русских пословицах: дитя без глазу у семи нянек; отмерить, прежде чем отрезать, нужно семь раз.

Но ведь верста не просто одна седьмая часть от «много», а реальная единица измерения, а значит — у неё есть численное выражение.

В общем, если появились вопросы, стоит поискать на них ответы. Отделить метафорическую версту от версты мерной.

В том же словаре Фасмера в статье о версте, как говорится, «смешались в кучу кони, люди», разные значения заключены в одни кавычки: «верста́, укр. верства́, др.-русск. вьрста „возраст; пара; ровесник; мера длины“, ст.-слав. врьста ѣлкіа (Супр.), болг. врьст „возраст“, сербохорв. врста „ряд, вид“, словен. vísta „ряд; строка; вид; возраст“, чеш. vrstva „слой“, слвц. vrstva, польск. warstwa „ряд, слой“, в.-луж. woršta».

Во многих словарях можно найти толкование через «версту» (возраст) слова «сверстник» — человек одного возраста, ровесник. Однако в Самом полном со-

временном толковом словаре русского языка под редакцией Татьяны Фёдоровны Ефремовой упоминается также (с пометкой «перен. устар.») и второе значение: «Человек, равный с кем-либо по званию, положению». И если сверстник — тот, кто равен по статусу, может составить пару, то (и это подтверждает фразеологический словарь Морица Ильича Михельсона²) «не верста» — это «не ровня, не чета». В данном случае «верста» — некая условная единая мерка, в какой-то мере синоним того «общего аршина», которым не измерить Россию, по словам Фёдора Ивановича Тютчева.

Конечно, аршином мерить было куда сподручнее, он составляет всего-то 0,7 метра. И палку-линейку такой длины легко изготовить: чтобы отмерять ткань, например. Понятно, что длина такого эталона тоже могла «гулять» и у разных продавцов длина аршина могла немного различаться, ведь речь идёт о системе мер, которая использовалась до введения метрической системы с её жёсткими стандартами. Это подтверждает фразеологизм «мерить своим аршином», который, вероятно, с чужим аршином не вполне совпадал по длине. И уж если достаточно короткий аршин был аршину рознь, что говорить о более внушительных сажнях и вёрстах.

Так что, если вернуться к тому, как меряют путь герои Грибоедова и Яна, можно сказать, что и верста версте — не верста.

Верста была самой большой старорусской мерой длины и действительно была очень неточной, потому что зависела от длины сажени и в разное время включала в себя разное количество этих самых сажней (или сажен — тоже вариант нормы), да и сами сажени были разными.

В Большом толковом словаре под редакцией Сергея Александровича Кузнецова в статье «Сажень» читаем: «Старинная русская мера длины, равная 2,134 метра (применялась до введения метрической системы). Погонная с. Квадратная, кубическая с. Печатная с. Маковая с. (расстояние между концами пальцев разведённых в стороны

рук). Косая с. (расстояние от носка левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки)»³.

А если вам мало этого списка сажней, заглянем в другие источники, которые сделают список сажней (и вёрст) ещё длиннее.

Признаюсь, попытавшись разобраться с перечнем сажней, я обнаружила список, сопоставимый со «списком кораблей» — чередой полководцев, которым посвящены строки с 494-й по 759-ю «Илиады» Гомера. Как писал Осип Мандельштам в 1915 году: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. / Я список кораблей прочёл до середины: / Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, / Что над Элладю когда-то поднялся».

«Выводок» древнерусских сажней, и правда, стоил мне пару бессонных ночей, так как привёл филолога в совершенно чуждые края — заставил обратиться к архитектуре. Ведь, в отличие от вёрст, которые всё-таки главным образом применялись как мера длины, сажени активно использовались зодчими и, как пишет Анатолий Фёдорович Черняев: «Сажени не являются измерительным инструментом и потому сами не имеют длины, хотя и применяются иногда для измерения. Как и тела не имеют размерности, так и сажени не обладают метричностью. Сажени — инструмент соизмерения, инструмент пропорционирования»⁴.

Борис Александрович Рыбаков указывает, что в Древней Руси с XI по XVII век существовало семь видов сажней. «Анализ архитектурных памятников XI—XV вв. позволил утверждать, что древнерусские зодчие широко применяли одновременное пользование двумя или

² Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). — СПб.: Тип. Ак. наук, 1896—1912.

³ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000.

⁴ Черняев А. Ф. Золото Древней Руси. Русская матрица — основа золотых пропорций. — М.: 1998.

даже тремя видами сажений», — пишет Рыбаков⁵. Оба исследователя уверены, что именно применение сажений, локтей и пядей разных систем одновременно позволяло древним зодчим создавать гармоничные и уникальные сооружения.

Вчитываясь в тексты академиков, археолога Рыбакова, инженера-строителя Черняева, я ощутила совершенно магическое действие архитектуры как науки. Система сажений выстроилась передо мной как песнь соразмерности, баланса. Позволила перенестись из системы выверенных, фиксированных, жёстких мер в мир гибкого использования пропорций.

Но, как говорится в одном анекдоте, который упоминает в своей книге «Психология конфликта» Наталия Гришина: «Все говорят — Робертино Лоретти, Робертино Лоретти! А мне сосед напел — ничего особенного!»⁶. Гришина с радостью отмечает, что время «пересказов» прошло, и сегодня мы с вами имеем возможность знакомиться с оригинальными текстами. И пусть автор говорит о психологической науке, её утверждение верно и для других областей знания. Потому мне не хотелось бы выступать в роли «напевающего соседа».

Если тема применения древнерусских мер в архитектуре вас заинтересовала, наберитесь смелости, углубитесь в неё — и будете вознаграждены.

Однако приблизило ли меня это путешествие в волшебные сады древнего зодчества к пониманию слова «верста»? Пожалуй, да. Рыбаков отмечает, что чаще в записях об архитектурных сооружениях упоминаются две сажени — мерная (маховая) и косая. Он пишет, что «мерную» сажень «сами древнерусские люди считали основной», и указывает, что размер этой сажени колеблется, по разным данным, между 176,0—176,8 см. Косая составляла 216 см. Именно последняя, косая сажень, соотнесена в статье «Ар-

хитектурная математика древнерусских зодчих» с «казённой» саженью, которая была установлена ещё при Алексее Михайловиче Тишайшем и приравнивалась к трём аршинам. Казённая сажень, бывшая в XVII веке длиной 217,6 см, при Петре I стала короче и получила жёсткую привязку к 7 английским футам, то есть стала длиной 213,36 см.

Интересный источник сведений о том, какая сажень чаще всего использовалась для измерения расстояний между городами, — Тмутараканский камень — мраморная плита с древнерусской надписью о расстоянии между двумя городами в 1068 году: «Глеб князь мерил море по леду от Тматороканя (Тороканя) до Корчева 14 000 сажен». Исходя из того, что 14 000 сажен равняются 24 километрам, сажени были мерными.

В Словаре Брокгауза и Ефрона читаем: «В 1629 г. (следов. и прежде) существовала „мерная“ верста в 1000 сажен. Уложением же 1649 г. установлена верста в 1000 сажен трёхаршинных. Впрочем, однородные версты не были равномерны <...> Тысячная верста существовала в течение почти всего XVIII в.; о ней говорится во многих указах и, между прочим, в Межевой инструкции 1754 г. Из указа 11 сентября 1744 г. видно, что вместе с тысячной верстой употреблялась верста в 500 сажен, которая и была собственно путевой; верста эта не была тогда новостью: она упомянута в писцовом наказе 1554 г. и содержала тогда 500 саж. „царских“».

В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля говорится о версте: «ныне путевая мера в 500 сажен; до Петра Великого 700, а ещё прежде 1000, но сажени были поменьше нынешних».

Возвращаясь к Большому толковому словарю русского языка под редакцией Кузнецова, обнаруживаем описание именно этой — путевой — версты (и никаких упоминаний о версте тысячной или какой-то ещё): «Старинная русская мера длины, равная 500 сажням или 1,06 километра (применялась до введения метрической системы)». Сказать точнее, равная 1066,781 метра.

⁵ Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих. В кн.: Советская археология. № 1, 1957 г.

⁶ Гришина Н. Психология конфликта. — Питер, 2021.

Соответственно, можно сделать вывод, что бродник Плоскиня из книги Василия Яна должен был бы мерить путь привычными для своего времени мерными саженьями. Но сколько их было в версте? Вероятнее всего, писатель имел в виду версту, считавшуюся «стандартной» в его собственное время, то есть равную 500 саженьям.

Краевед Дмитрий Линдер пишет, что при форсированном марше отряд обученных всадников, например кавалерийский полк (не «о-двуконь»), способен проходить по 70—75 километров в день, а при нормальном дневном марше (находясь в движении 7 часов в сутки при скорости примерно 7 км/ч)⁷ и того меньше, 40—45 километров, но это не по лесам-лугам, а по просёлочной дороге. Если допустить, что Плоскиня «переводит» в конные переходы тысячные вёрсты, даже если множитель — самая «короткая», простая верста, получают-ся слишком резвые монголы, слишком быстро скачущие в Киев по слишком хорошей дороге.

К сожалению, мне не удалось найти информацию о том, какие вёрсты имел в виду Василий Ян и углублялся ли он в подобные расчёты.

Фрагмент из романа «Чингисхан» больше интересен тем, как писатель показывает столкновение культур: бродник говорит и на языке оседлых народов, и на языке степи. Есть версия, что слово «бродник» происходит от слова «бродить», однако исследователи склоняются к версии, что это слово происходит от слова «брод». Ещё Василий Никитич Татищев, размышляя о бродниках, писал, что это люди, поселённые на Дону «для показания бродов и переходов»⁸. Иван Алексеевич Бунин в «Жизни Арсеньева» увязывает в одно обе версии: «Были такие казаки, которые назывались „бродники“, от слова бродить. Вот, верно, и я бродник. „Одному Бог даёт палаты, другому мосты да гати“»⁹. У воеводы бродников Плоскини (только его имя и сохранила история из всех бродников) и мораль двойственная, мутная и «топкая», словно путь по болоту. За деньги он готов помогать монголам.

Другое дело — Чацкий. Прямой, решительный, правдивый, не выносящий двуличности. Но не кривит ли он душой, когда говорит, что менее чем за двое суток преодолел верхом более чем семьсот вёрст? Мы с вами, привычные к скоростным поездам и самолётам, иначе воспринимаем и оцениваем расстояния, поэтому трудно сказать, нет ли в словах Чацкого преувеличения, гиперболы.

Дмитрий Линдер в статье «400 вёрст за один день?! Про скорость путешествий в экипаже» приводит интересный факт: в начале декабря 1833 года Николай I добрался из Москвы в Петербург за 38 часов, преодолевая 443 версты (473 километра) в день. Линдер пишет: «Царь ехал днём и ночью. Свежих лошадей перепрягали на каждой станции, что отнимало всего несколько минут, так как смотрителей заранее поставили в известность: здесь проедет император. Средняя скорость Николая I составляла 19 километров в час».

Эта рекордная поездка императора состоялась всего через 4 года после гибели Александра Сергеевича Грибоедова и через 9 лет после написания комедии «Горе от ума». Конечно, Чацкого едва ли на каждой станции ждали свежие лошади и расторопные помощники, однако дипломат Грибоедов, полагаю, отлично знал, как ускорить путешествие.

О том, как Чацкий мог так стремительно добраться в Москву из Петербурга, рассказывает в комментариях к комедии Сергей Александрович Фомичёв: «„Никто не имеет права, — говорилось в „Высочайше утвержденных дорожных правилах“, — принуждать почтаря без перемены лошадей проезжать станцию, также и к скорой езде; ибо почтари должны везти в час неотменно: обыкновенен-

⁷ Линдер Д. 900 вёрст в неделю на одном коне?! Скорость путешествия верхом без мифов // https://dzen.ru/linder_historia

⁸ Татищев В. Н. История Российская. В 7 т. Т. 1 / под ред. С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова; Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленингр. отделение. — Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962.

⁹ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. — М.: Издательство АСТ, 2023.

ных проезжающих в летнее время 10, в зимнее 12, а в осеннее 8 вёрст. Курьеры же и фельдъегери имеют быть возимы столь поспешно, сколь сие будет возможно". <...> Таким образом, Чацкий ехал значительно быстрее обычного (более 15 вёрст в час), доплачивая ямщикам за скорую езду, а может быть, и стационарным зрителям за курьерские тройки, не останавливаясь на ночлег („глаз мигом не прищуря"), теряя багаж, привязывавшийся к возку сзади („растерялся весь"), и несколько раз перевернувшись вместе с возком, что было в то время не редкостью при быстрой езде¹⁰.

Действительно, при таком раскладе его путешествие можно назвать подвигом. Но как ни торопится Чацкий, ни «меряет вёрсты», упущенное счастье ему не наверстать. Софья полюбила другого, а то, что связывало когда-то их с Чацким, считает детской дружбой. Глагол «наверстать» в данном случае употреблён в значении «настигнуть» или, как сформулировано в Толковом словаре Дмитрия Николаевича Ушакова¹¹, «особыми стараниями возместить пропущенное, догнать». Впрочем, в сборнике Морица Ильича Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое» смысл глагола «наверстать» трактуется через другое значение слова «верста»: «вознаграждать, уравнивать убытки барышами»¹².

В первом случае получается, что наверстывание связано с движением, гонкой, погоней за тем, что хочется вернуть, а во втором — с уравниванием.

Но есть в словаре Ушакова и упоминание о другом значении слова «наверстать», которое появилось уже в начале XX века: «выполнить известное количество вёрстки».

Вспоминается каламбур: «Верстальщик, наверстай мне упущенное». В этой фразе слово «верстать» играет значениями: верстальщик — специалист, который создаёт макет страницы, гармонично располагая на ней текст, изображения и другие элементы. Раньше верстальщики были сотрудниками типографий, но сегодня часто в типографию приходит уже готовый макет издания, — всё

верстается на компьютере в редакции. Говоря о верстальщике, часто подразумевают верстальщика сайтов — человека, который превращает дизайн-макеты в готовые веб-страницы. «Верстать» в таком, если можно так выразиться, типографском значении, — синоним слов «компоновать», «собирать».

И отчего-то, ловя оттенки значения с помощью синонимов и однокоренных слов, внезапно осознаёшь, что за каламбуром скрывается целый клубок смыслов, и верстальщик превращается в загадочного персонажа, обладающего способностью вернуть утраченное, потерянное в пути. Ведь жизнь — гонка, скачка за обманчивой мечтой, за счастьем, и мы несёмся, словно Чацкий, в пыли, застилающей взгляд, не замечая, как сыплется с возка поклажа: торбы, узлы, сундучки и шляпные коробки, дружба, привязанность, родство, молодость, таланты, идеалы... И вдруг, оказавшись у ног судьбы, обнаруживаем, что у неё личико Софьи Фамусовой, которая любит кого-то совсем другого. И мы растерянно понимаем, что «растерялись все», рассыпали по дороге жизни такие ценные кусочки своей личности и судьбы, себя по частичкам, лоскуткам растрясли и растеряли. Собрать кусочки прошлого, скомпоновать нас заново, чтобы вышло гармонично, умно, ярко, «читабельно», мы и просим всемогущего верстальщика...

У Терри Пратчетта в романе «Маскарад» описывается рукопись кулинарной книги ведьмы по имени нянюшка Ягг «Радость домоводства»: «Собственно говоря, это была и не рукопись вовсе, а собрание старых мешочков из-под

¹⁰ Фомичёв С. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. Книга для учителя. — М.: Просвещение, 1983.

¹¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.

¹² Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. — СПб.: Тип. Ак. наук. М. И. Михельсон. 1896—1912.

В. Ф. Тимм. Лейб-гвардии Конный полк во время восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. (Фрагмент картины.) 1853. Государственный Эрмитаж.

сахара, конвертов, салфеток и клочков древних отрывных календарей»¹³. Думаю, подобным образом выглядели бы книги жизни многих людей. И мы надеемся, как и Гита Ягг, что всеильный издатель решит: наша книжка стоит того, чтобы верстальщик упорядочил, выстроил, скомпоновал эти разрозненные и разномастные кусочки, лоскутки и обрывки, превратив в историю. И утерянное, прожитое, ушедшее без возврата будет свёрстано и навёрстано, не пропадёт зря.

Самое подробное толкование слова «верста», встреченное мной в словаре Даля, конечно, содержит все упомянутые значения и многие другие, однако начинается оно с такого: «верста — ряд, порядок, линия, прямая черта, расположение в струнку, гусем». Казалось бы, перепутаны значения, переплетены, а

в самом слове «верста» заключена ясность, порядок, структура, прямой путь. И кажется, что вместе с устаревшим, вышедшим из обихода словом мы и это всё тоже утратили, заплутали, свернули со столбовой дороги. Хочется, чтобы всеильный верстальщик судеб указал путь, разметил его полосатыми чёрно-белыми столбиками, видными даже сквозь ливень, бурю и метель.

Но как там было у Александра Блока...

*И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...*

*И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!*

*Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь!*

¹³ Терри Пратчетт. Маскарад (роман, пер. С. Увбарх под ред. А. Жикаренцева). — М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2007 г.